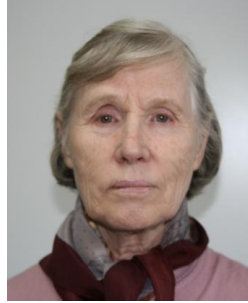

УДК 101.8

Т.П. Матяш

T.P. Matyash

ВЕРБАЛЬНЫЙ НИГИЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

VERBAL NIHILISM IN MODERN SOCIETY

В статье анализируется специфика современного вербального нигилизма. Исследуется история становления нигилизма в отношении языка в западно-европейском обществе. Делается вывод о том, что попытки либерально ориентированных философов расширить пространство свободы человека и общества путем избавления от власти Слова и слова являются неприемлемыми.

Ключевые слова: свобода, слово, вербальный нигилизм, язык, общество

The paper analyzes the specifics of contemporary verbal nihilism. We study the history of the formation of nihilism in regard to the language in the Western European society. It is concluded that the attempts of the liberal-oriented philosophers expand the space of freedom and human society by getting rid of the power of the Word and words are unacceptable.

Key words: freedom, word, verbal nihilism, language, society

Т.П. Матяш

доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).
E-mail: tamara.matiash@yandex.ru

T.P. Matyash

Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Philosophy of Religion and Religious of Southern Federal University (Rostov-on-Don)
E-mail: tamara.matiash@yandex.ru

© Матяш Т.П., 2013

© Matyash T.P., 2013

Одним из первых философов, утверждавших, что борьба за освобождение «от» внешнего насилия не делает людей свободными, был Ф. Ницше [1, с. 390, 283]. Люди, как считал он, во все времена распадаются на рабов и свободных. Раб – это тот, кто «не имеет двух третей своего дня для себя», т.е. для работы подавления собственного эгоизма, для воспита-

ния в себе чувства ответственности. Поэтому рабами являются и государственные деятели, и чиновники, и ученые. Если признать правоту Ф. Ницше, то проблематизируется свобода в её западноевропейском понимании. Дело в том, что история новоевропейской культуры представляет собой постоянную борьбу людей за освобождение «от»: от религии, от Бога, от разума, от государства. Кстати, Г. Федотов отмечал, что вплоть до новоевропейской культуры мы нигде не найдем свободы личности от государства как основы общественной жизни. Ф. Ницше называл состояние постоянной борьбы за освобождение «от» тотальным нигилизмом, истоки которого до сих пор не поняты, о чем и писал М. Хайдеггер [2].

Тотальный нигилизм породил у новоевропейских людей желание жить свободно, т.е. никому и ничему не поклоняясь, ни на что не опираясь. Правда, пришлось признать, что человечество не смогло получить свободу «от» смерти. «Моя» смерть – это абсолютная моя несвобода. Абсолютной несвободой является и акт моего рождения.

Но в XX в. обнаружилось, что человек не освободился еще от одной власти – власти слова, которая проявляется в том, что говорящий всегда в той или иной мере подчиняет себе слушающего, заставляя его или принять информацию, или отбросить её, прибегая, например, к эхоталии. Языковая деятельность похожа на законодательную. Язык принуждает говорящего следовать грамматическим, стилистическим, логическим и иным нормам словесного оформления мышления. Очевидно, что такого рода принуждение не позволяло мысли свободно себя реализовывать без оглядки на грамматические, логические и иные правила и нормы своего словесного выражения. О том, что «говорить – это всегда подчинять себе слушающего», «говорить – значит обладать властью говорить», неоднократно писали М. Фуко, Р. Барт. Ослабление властной функции языка стало задачей, решение которой рассматривалось как необходимое условие расширения социальной свободы.

Освобождение от власти слова предполагало разбожествление мира, или, другими словами, освобождение от Слова. И здесь возникли трудности. Хотя европейская культура согласилась с ницшеанским приговором «Бог мертв», полной амнезии памяти европейского человечества о Слове не произошло. Не случайно, как писал М. Хайдеггер, судьба человека называется *fatum om*, что имеет отношение к Слову, изреченному Бытием. «Живучесть» Слова проявилась, прежде всего, в продолжающемся его влиянии на слово человеческое, зафиксированным средневековыми схоластами, утверждавшими, что между Словом Бога и человеческим словом существует соответствие. Так, с точки зрения Фомы Аквинского, слово человеческое не просто причастно Божьему интеллекту, а «целиком и полностью из него проистекает». Но между Словом и словом существует принципиальное различие. Во-первых, божественное Слово абсолютно

совершенно по исходу, тогда как человеческое слово не сразу «наличествует как полное совершенство мысли». Мышление стремится к совершенству своего выражения в том или ином слове, завершая в нем мысленное познание вещи. Во-вторых, Слово божественное является одним-единственным, тогда как человеческий интеллект в силу своего несовершенства нуждается во множественности слов для своего выражения. В-третьих, человеческое мышление постоянно создает новые концепции и новые формы словесного их выражения. Г. Гегель придал этой идее Фомы Аквинского позитивный смысл и стал трактовать незавершенность мышления как истинную бесконечность духа, который постоянно выходит за свои собственные пределы, и в этом выходе обретает свободу движения к новым концепциям и, тем самым приближается к истине [3, с. 493–496].

Тот факт, что только человек обладает словом, отцы Церкви рассматривали как свидетельство его богообразности и богоподобности. Богословское понимание Иисуса Христа как воплощенного Слова (Ин. 1, 14) наполняло сакральным смыслом логико-вербальные способы постижения реальности, а потому проблема слова в христианстве никогда не была религиозно нейтральной. Считалось, что лукавить со словом греховно. Говорящий человек «вслушивался» в Слово, и строил свою словесную речь, соотнося грамматику с логикой мышления, которая, в свою очередь, соотносилась с Логосом. Известно, что связь грамматики, логики и онтологии была одной из центральных идей в философии Г. Гегеля.

Постоянно помнили о Слове классики русской литературы, а потому ответственно относились к использованию слова, не допускали произвола в словотворчестве, считая, что холодные, бездушные, наскоро изобретенные слова есть вид богоборчества: «Опасно шутить писателю со словом». «Слово гнило да не исходит из уст ваших!» – писал Н.В. Гоголь [4, с. 188]. Общеизвестно, что русская классическая литература заложила традицию «высокого» словесного стиля. Ответственное отношение к языку получило метафизическое обоснование в русской религиозной философии. В.С. Соловьев, например, утверждал, что язык образовался «совершенно независимо от сознательной воли отдельных лиц», он не произведен, не выдуман «личною сознательною деятельностью». Конечно, игра со словом часто увлекала даже самых выдающихся представителей «высокой» классики, например, А.С. Пушкина. Но в русской культуре эта игра расценивалась как выражение непочтительности к онтологическим ценностям, и широкое распространение такого рода текстов в обществе, как правило, блокировалось. Как ни парадоксально, но даже в атеистической советской культуре была востребована «высокая» литература, что свидетельствовало о сохранении традиции связи слова и Слова, хотя никто не решился бы сказать об этом открыто.

Отказ от признания онтологичности Слова начался с возрождения в XX в. французским филологом Ф. де Соссюром средневековых номиналистических традиций. Утверждая, что не существует однозначного соотношения между означающим и означаемым, он рассматривал язык только как семиотическую систему, в которой языковые структуры не являются заранее определенными, так как не существует никаких схем упорядочивания этих структур. Наличие реально фиксируемой определенности в языковых структурах стали объяснять вовлечением языка в коммуникативные процессы, в которых только и выявляется смысл любого вербального знака. Постмодернисты вслед за Ф. де Соссюром сочли бессмысленной постановку вопроса об онтологии языка, его нагруженности значимым содержанием. Дискурс стал рассматриваться как самодостаточная процессуальность, осуществляющаяся в анонимном (не зависимом от автора текста) режиме.

Отечественные мыслители, например Н.А. Бердяев, считали, что возврат к средневековым идеям номинализма опасен для европейской культуры, в силу того, что слова теряют свое реальное значение и смысл, превращаются лишь в названия, пустые звуки, а «пустые, утерявшие реальный смысл слова не подпускают людей друг к другу». Такую ситуацию он называл болезнью общества. Люди, в целях общения, начинают договариваться о значении слов, непосредственный смысл которых стал неопределенным и не ясным. По мнению Н.А. Бердяева, для того чтобы излечить общество от господства слов, не имеющих реальной связи с обозначаемыми ими предметами, необходимо восстановить утерянную связь слов со Словом-Логосом [5, с. 82].

К середине XX в. стало ясно, что секуляризированной западноевропейской культуре удалось разорвать связь человеческого слова со Словом, что облегчало работу по освобождению от власти слова. Поэтому многие философы-либералы определили для себя в качестве приоритетной задачу освободить мышление от власти языка. Известно, что по совету М. Фуко, в 1977 г. в Коллеж де Франс была создана кафедра литературной социологии, главное условие работы которой состояло в деятельности по нахождению средств снижения уровня власти, таящейся в языке. Приглашенный по рекомендации М. Фуко на должность заведующего кафедрой Р. Барт, открыто заявлял, что «весь язык целиком есть общеобязательная форма принуждения», от которой следует избавиться. И, прежде всего, следует освободиться от языкового принуждения следовать определенным грамматическим, стилистическим и другим нормам. Необходимость реализации этой цели обуславливалась, согласно Р. Барту, тем, что власть языка ограничивает пространство свободы человека, которая есть «не только способность ускользать из-под любой власти, но также и, прежде всего, способность не подавлять кого бы то ни было». Поэтому «свобода возможна только вне языка».

Освобождение от власти языка следует начинать, считал Р. Барт, с литературы, которая должна подорвать язык изнутри, изобличить его претензии на принуждение. Литература для этого имеет все возможности, так как после событий 1968 года (известных студенческих волнений) она «десакрализована, социальные институты не в силах оказать ей поддержку и утвердить как имплицитную модель человеческого поведения. Литература осталась без надзора: этим-то и надо воспользоваться» [6, с. 565]. Речь шла о том, что литераторы теперь могут изобретать язык, высвобождая его от связи со Словом, от давления словесных и языковых стереотипов, и превратить сам процесс этого изобретения в некую форму наслаждения [6, с. 494–495]. Силы свободы, заключенные в литературе, можно актуализировать, если превратить текст в игру слов, в плутовство со словом. Сделать язык безвластным можно, считал Р. Барт, если «насаждать – прямо в сердце раболепного языка – самую настоящую гетерономию вещей». С этой целью он предлагал использовать стратегию языкового «плутовства», состоящую в постоянном стремлении ослаблять связь слов с тем, что они обозначают. Это, с его точки зрения, будет способствовать разрушению знаковой функции языка, в которой и таится власть языка. Так можно ослабить власть языка в литературном письменном тексте [6, с. 550].

Но как ослабить власть языка в устной речи? Как, например, «держать речь» перед студентами и вместе с тем ничего им не навязывать? Р. Барт рекомендует разобщать знаки, используя для этого фрагментацию, бесконечные отступления (экскурсы), сосредоточиваться в преподавании не на знаниях, а на дискурсивных формах, посредством которых эти знания сообщаются, менять ежегодно интеллектуальные странствия, положив в их основу языковую фантазию. Эта задача выполнима, так как дискурсивные практики дают возможность уйти в безбрежное и бесконечное смыслотворчество и семантическую многозначность.

Обретение человеком окончательной и полной свободы предполагает, как утверждал Р. Барт, необходимость избавиться от власти языка. Для этого можно использовать очень простой способ – «плутовать» с ним, «дурочить его и в блистательном обмане пытаться расслышать звучание безвластного языка», «использовать игру слов», языковую «анархию» [6, с. 548–550].

Американский литературный критик Ихаб Хассан, поддерживая установку интеллектуалов на ослабление власти языка, считал, что в постмодернистских текстах можно найти правила, этому способствующие. К ним, в частности, он относил культ неясностей, пропусков и ошибок; фрагментарность и принцип монтажа; «деканонизацию», борьбу с традиционными ценностями; ризомность или отсутствие психологических и символических глубин, тягу к поверхности; игру языка без Эго, отказ от

мимезиса; смешение высокого и низкого жанров, стилевой синкретизм; срастание сознания со средствами коммуникации и т.д. [7, с. 174].

Борьбу с грамматически правильно построенной речью Р. Барт перевел в психологическую плоскость, утверждая, что порядок в языке утомляет, раздражает, тогда как аномальное, несообразное порядку и норме, изломанное языковое высказывание восхищает. Там, где царит правило, там скучно, там нет наслаждения языком. «Эротика» языка, как считал Р. Барт, перестала быть свойством даже простонародного языка, так как в нем «полностью затухла всякая магическая, поэтическая активность» и наступило «царство сплошных стереотипов». А вот в пространстве молодежных сленгов, меняющихся с потрясающей быстротой и разрушающих дискурс как таковой, «эротика» языка проявляется с огромной силой [6, с. 493]. И в этом он прав. Действительно, в рамках молодежной субкультуры постоянно идет формирование «нового» языка и «нового» словаря, в котором, слово «совесть» заменено словом «закомплексованность», слово «бесстыжая» получило значение «сексуально раскрепощенная». Любовь стала синонимом секса, т.е. биологически-животного совокупления. Из словаря молодежного «новояза» полностью исчезли слова «разврат» и «распутство», и вместо них появились слова «раскрепощенность» и «продвинутость». Убийцу стали называть иностранным словом «киллер», которое, будучи нейтральным для русского слуха, смягчает истинное свое значение. Аналогичная инверсия произошла со словом «проститутка», вместо которого стали использовать очень благозвучное для уха, но скрывающее свое истинное значение слово «путана». Опасность «новояза» в том, что обыденное мышление, ничего не зная об интеллектуальных играх, по-прежнему, воспринимает язык как средство репрезентации. Поэтому нарабатываются специальные практики формирования поведения, соответствующего, например, таким словам, как «раскрепощенность» и «продвинутость».

«Эротика» языка, утверждал Р. Барт, связана с освобождением от языковых стереотипов. Процедура такого освобождения доставляет наслаждение и тому, кто свергает диктат стереотипов, и тому, кто пользуется созданным новым языком. Существует, как считал он, два способа придания языку эротической силы: во-первых, постоянно, периодически повторять одни и те же слова (примером могут служить оккультные мелодии, навязчивые ритмы и т.д.); во-вторых, «взрывать слова», заставляя их вспыхивать «внезапным нечаянным светом» [6, с. 496].

Как известно, эти способы придания языку эротической силы использовали сюрреалисты, футуристы, имажисты, которые искали новизну словесной ткани, рассматривали музыку слов только как акустическое явление, безотносительно к смыслу и сущности того, о чем были сказаны слова. Например, русский поэт А. Белый стремился достичь благозвучно-

го сочетания гласных и согласных безотносительно к содержанию сказанного. Благозвучие россыпи слов имеет смысл не для читающего глаза, а для слушающего уха, а потому поэты сами читали публике свои произведения, чтобы показать все изгибы и переливы словесных тональностей и темпоральностей. Логически же выстроенный текст, базирующийся на использовании языка в его номинативной функции, предназначен, прежде всего, для глаза, а не для уха, что снижает уровень его эротичности. Так, тексты Г. Гегеля трудно слушать, их надо читать, получая в ходе такого действия не эротическое наслаждение, а «головную боль». Такие тексты Ф. Ницше представлял в образе «медленно» вращающегося «болота звуков без звучности, ритмов без танцев». Немцы, считал он, слишком увлеклись номинативно-репрезентативной функцией слова, дающей возможность логического изложения. Это, по мнению Ф. Ницше, вызвано тем, что у них не сформировалось «третье ухо», которое чувствует «прелесть в нарушении слишком строгой симметрии», улавливает «каждое *staccato*, каждое *tubato*», угадывает «смысл в последовательности гласных и дифтонгов» [8, с. 366].

Освобождение от власти слова способствует абсолютизации приватного, эфемерного и преходящего, «растворению реального в игре интерпретаций». И теперь уже ничто не мешает оформлению идеи культуры как свободной игры слов. Л. Витгенштейн, например, изучая языковые игры в сфере повседневности, отказал языку в репрезентативной функции. Он утверждал, что философия призвана бороться против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка. Признавая, что существует множество «языковых игр» («речевых практик»), Л. Витгенштейн считал, что «эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, раз и навсегда данного, наоборот, возникают новые типы языка, или... новые языковые игры, а другие устаревают и забываются». Каждая игра принадлежит к определенной «форме жизни», откуда она извлекает свой смысл. Этот смысл состоит не в объекте, к которому относит себя язык, а в употреблении языка, которое проясняется в повседневном обиходе. Употребление детерминируется целью, которую ставит себе определенная лингвистическая игра.

Языковая игра разрушает иерархию ценностей. Люди перестают различать «святое» и «бесовское», и их мысль отваживается размышлять об этой неразличности, что и продемонстрировал Т. Манн [9, с. 248]. И в этом опасность языковых игр. Но либерально ориентированные философы и филологи выступают за «языковую анархию», рассматривая её как необходимое условие свободы человека. С их точки зрения, общество, чтобы увеличить степень свободы, должно допустить в коммуникативное пространство столько языков, сколько существует различных желаний к их употреблению. Условие возможности полной победы над принуждаю-

щей силой языка они видят в готовности общества к языковому анархизму, когда будет разрешено употреблять язык, согласно желанию каждого. По этому пути идут, кстати, и составители словарей мата в России.

Но общество не готово к тотальной анархии языка. Такого рода «неготовность» обусловлена тем, что в современной социальной жизни существует большое количество социальных институтов (от церкви до университетов), в которых отдается предпочтение некоторым классам высказываний (а иногда и одному единственному), требующих говорить только об определенных вещах и в определенной манере (например, команда в армии, молитва в церкви, стиль говорения в классической филологии, язык в научном сообществе и т.д.). Языковая деятельность в этих социальных институтах подобна законодательной деятельности, что по убеждению постмодернистов, тормозит развитие форм социальных связей, уменьшает степень свободы. Расширению свободы в обществе способствует, с их точки зрения, открытая коммуникация, предполагающая необходимость ослабить те барьеры, которые ставят языку различные социальные институты. Но тогда надо изменить сами социальные институты. Например, для того, чтобы солдаты в казарме могли дискутировать со старшими по чину, следует изменить жесткий воинский устав. Расширение набора языковых игр в армии, церкви, науке и т.д. ослабит власть этих социальных институтов и расширит пространство свободы, от чего, как утверждают поборники открытой коммуникации, выиграет все общество.

Рассмотрев попытки либерально ориентированных философов расширить пространство свободы человека и общества путем избавления от власти Слова и слова, мы обозначили суть проблемы вербального нигилизма, которая еще нуждается в дальнейшем исследовании.

Примечания

1. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1990.
2. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990. № 7.
3. Гегель Г. Работы разных лет в двух томах: В 2 т. Т.2. М., 1971.
4. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1986.
5. Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 1989.
6. Барт Р. Избранные работы. М., 1994.

Annotation

1. Nietzsche F. Human, All Too Human // Nietzsche F. Works: In 2 volumes. Vol. 1. M., 1990.
2. Heidegger M. Nietzsche words «God is dead» // Problems of Philosophy. 1990. № 7.
3. Hegel G. Works of different years in 2 volumes. Vol. 2. M., 1971 .
4. Gogol N.V. Works: In 6 volumes. Vol. 6. M., 1986 .
5. Berdyaev N.A. Philosophy of freedom. M., 1989.
6. Bart R. Selected Works. M., 1994.

7. Гройс Б. Да, апокалипсис, да, сейчас! // Вопросы философии. 1993. № 3.

8. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990.

9. Якимович А. Культура и преступление // Иностранная литература. 1995. № 1.

10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.

7. Groys B. Yes, the apocalypse, yes, now! // Problems of Philosophy. 1993. № 3.

8. Nietzsche F. Beyond Good and Evil // Nietzsche F. Works: In 2 vol. Vol. 2. M., 1990.

9. Yakimovitch A. Culture and crime // Foreign Literature. 1995. № 1.

10. Gadamer H.-G. Truth and Method. Basics of philosophical hermeneutics. M., 1988.